

куда твою нежность, старая красная шапочка!.. Выдумывает всякое, покой людям нарушает! Нежность! Нету ничего такого на свете, поняла?! Вранье всё!» [2 : 245]. Таким образом, рассмотрев всех героев пьес цикла с точки зрения их типологического родства, мы увидели, что больше всего в этих пьесах артистов, два «блаженных» (один из которых – с чертами озлобленности) и один озлобленный. Подобная относительная однотипность героев позволяет выдвинуть еще одно основание для принадлежности рассматриваемых пьес к одному циклу.

Литература

1. Коляда Н. Кармен жива. Екатеринбург, 2002.
2. Коляда Н. Носферату. Екатеринбург, 2003.
3. Лейдерман Н. Л. Драматургия Николая Коляды. Екатеринбург, 2002.
4. Мирошникова О.В. Анализ лирического цикла и книги стихов. Канонические структуры и маргинальные формы циклизации в поэзии последней трети XIX века. Омск, 2001.
5. Соколянский А. Новый мир. 1995. № 9.
6. Чичерин А.В. Цельность Форсайтовского цикла // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. XXV. Вып. 6. М., 1966.

М. Самсонова
Научный руководитель:
к. филол. н., доцент
О.Н. Турышева

ОБРАЗ ДЕВОЧКИ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ «ПРОФЕССОР»)

В романе Ш. Бронте «Профессор» присутствует достаточно много женских образов. С самого начала главный герой, Уильям Кримсворт, мечтает посмотреть на сад пансионата для девушек (это помогло бы ему изучить женский характер, о котором он, по собственному признанию, почти ничего не знает), и он полагает наблюдение за игрой воспитанниц вполне достаточным для выполнения своей задачи.

При первом столкновении с ученицами рассказчик использует приём недифференцированного описания внешности девушек в целом. Уильям сначала замечает только скромную одежду, правильные черты лица, румянец, большие глаза, красивые фигуры, и это общее впечатление красоты ослепляет бедного учителя: “good features, ruddy, blooming complexions, large and brilliant eyes, forms full, even to solidity, seemed to abound. I did not bear the first view like a stoic; I was dazzled, my eyes fell” [1: 80] – «у многих были милые, румяные, цветущие лица, большие блестящие глаза, развитые и упругие формы. Я не мог стоически вынести такого зрелища; ослеплённый, я опустил глаза...» [2: 110]. Однако затем он переходит к описанию речи и поведения этих прелестных созданий, и первоначальное впечатление тут же разрушается: услышав легкомысленные фразы, которыми перекидываются красавицы, их хихиканье и болтовню, Уильям осознаёт, насколько ошибался: “the idea by which I had been awed was that the young beings before me, with their dark nun-like robes and softly braided hair, were a kind of half-angels. The light titter, the giddy whisper, had already in some measure relieved my mind of that fond and oppressive fancy” [1: 80] – «до этого я благоговел перед ними при мысли, что эти юные создания в тёмной, словно монашеской одежде немного

похожи на ангелов. Приглушённое хихиканье, их наглый шёпот освободили меня от этого излишне оптимистического и в то же время стесняющего образа» [2: 110 – 111].

Набрасывая портреты трёх признанных красавиц пансиона, рассказчик использует одну и ту же схему: от описания внешности переходит к указанию на ту или иную черту характера (на существование которой ему опять-таки указывает та или иная особенность лица). Например, Элалия отличается высоким ростом и прекрасной фигурой. Она блондинка, а черты её лица напоминают мадонн кисти голландских живописцев. В округлых линиях её лица и фигуры, по мнению рассказчика, нельзя заметить никаких признаков жизни, которые нарушили бы однотонность её бледной и гладкой кожи: “Eulalie was tall, and very finely shaped: she was fair... neither thought, sentiment, nor passion disturbed by line or flush the equality of her pale, clear skin” [1: 81] – «Элалия была высокая, белокурая девушка очень красивой наружности... ни мысли, ни чувства, ни страсти не тревожили её черт» [2: 111]. Таким образом, черты внешности и характера чередуются друг с другом, и в описаниях Гортензии и Каролины используется точно такой же приём.

Затем рассказчик переходит к описанию поведения этих трёх героинь в динамике. Подробно описываются поступки девушек, а также мысли и чувства, их детерминирующие. Элалия, например, поднимает на мистера Кримсворта неподвижный взгляд, и, как ему кажется, с уверенностью ожидает его восхищения: “Eulalie... seemed to expect, passively but securely, an impromptu tribute to her majestic charms” [1: 82] – «Элалия... казалось, ожидала – пассивно, но настороженно – невольной дани её колдовским чарам» [2: 112]. Каролина движением головы позволяет волосам упасть на глаза, приоткрывает губы и кокетливо улыбается: “Caroline shook her loose ringlets of abundant but somewhat coarse hair over her rolling black eyes; parting her lips, as full as those of a hot-blooded Maroon, she showed her well-set teeth sparkling between them” [1: 82] – «Каролина же тряхнула небрежными локонами своих густых, своенравных волос и сверкнула глазами; губы её, полные, как у горячего марона, приоткрылись, обнажив ровные, сверкающие зубки» [2: 112]. Гортензия нагло рассматривает Уильяма, в то же время хихикая, и вольно обращается к нему: “Hortense regarded me boldly, and giggled at the same time, while she said, with an air of impudent freedom: “Ditez-nous quelquechose de facile pour commencer, monsieur.”” [1: 82] – «Гортензия посмотрела на меня весьма самоуверенно и, посмеиваясь, проговорила с бесстыдной непринужденностью: «Для начала продиктуйте нам что-нибудь попроще, мсье» [2: 112]. Рассказчик также приводит реплики девушек во время диктанта в драматизированном виде, без каких-либо комментариев, что позволяет достоверно воспроизвести атмосферу урока и показывает умственный уровень воспитанниц. Уильям Кримсворт заявляет, что в течение пяти минут эти три девушки полностью продемонстрировали ему свой истинный характер, что немедленно сделало его неуязвимым для их чар.

Образам глупых красавиц противопоставлен образ Сильвии, который создается с помощью сходных приёмов. В первую очередь мистер Кримсворт замечает, что это невысокая, бледная, некрасивая девочка, самая уродливая и одновременно самая внимательная в классе. Двумя главами позже рассказчик останавливается на образе Сильвии более подробно. Нравственные и физические характеристики девушки чередуются: “Sylvie was gentle in manners, intelligent in mind; she was even sincere, as far as her religion would permit her to be so, but her physical organization was defective; weak health stunted her growth and chilled her spirits...” [1: 97] – «Сильвия отличалась мягкостью в общении и порядочностью, она была даже искренней (насколько это допускалось её верой); однако физически она была далеко не совершенной; слабое здоровье задержало её развитие и охладило дух» [2: 135]. Рассказчик анализирует поведение Сильвии, а также причины её недостатков (пассивности, покорности, несамостоятельности) и видит их в принадлежности девушки к католичеству и в том, что она предназначена для монастыря: “With a pale, passive, automaton air, she went about all day long doing what she

was bid; never what she liked, or what, from innate conviction, she thought it right to do... pale, blighted image, where life lingered feebly, but whence the soul had been conjured by Romish wizard-craft! [1: 98] – «С бледным, апатичным видом она как неживая слонялась весь день, делая то, что ей указывали – не то, что нравилось ей или что интуитивно считала правильным и нужным... унылое существо, в котором жизнь едва держалась, а душа была опутана римскими чарами» [2: 135 – 136].

В одном эпизоде приводится сравнительное описание диктантов Сильвии и Элалии (таким образом, анализируются непосредственные проявления умственных способностей девушек): “Eulalie's [dictation] was slurred, blotted, and full of silly mistakes--Sylvie's (such was the name of the ugly little girl) was clearly written, it contained no error against sense, and but few faults of orthography” [1: 83] – «Диктант Элалии был написан неразборчиво, с пометками и полон глупейших ошибок. У Сильвии же (так звали ту некрасивую девочку) работа была выполнена аккуратно – никаких серьезных ошибок не было, лишь несколько мелких погрешностей» [2: 114].

В двенадцатой главе Уильям Кримсворт набрасывает несколько портретов, построенных по одной схеме и изображающих некоторых пансионеров. Назвав имя объекта описания, рассказчик указывает происхождение и возраст девушки, останавливается на её фигуре и лице, затем переходит к описанию её умственного развития, характера, привычек и поведения, причём неукоснительно следует этой структуре подачи информации, напоминающей анкету своей краткостью и чёткостью формулировок, но в то же время часто использующей длинные фразы с высокой лексикой и сложными конструкциями. Часто характер девушки определяется по её лицу: Уильям Кримсворт пользуется приёмами физиогномистики. Например, приводя портрет Джуаны Триста, рассказчик рассматривает части её лица, отвечающие за те или иные черты характера: “her organs of benevolence, veneration, conscientiousness, adhesiveness, were singularly small, those of self-esteem, firmness, destructiveness, combativeness, preposterously large” [1: 96] – «признаков великодушия, почтительности, совестливости, преданности в её облике почти не проявлялось, а самолюбия, упрямства, вредности и агрессивности чувствовалось несообразно много» [2: 133]. Черты внешности и характера опять-таки часто чередуются в тексте: “her temperament was fibrous and bilious, her complexion pale and dark” [1: 96] – «...нервический и желчный характер; кожа смуглая и бледная» [2: 133]. Даже и без своеобразного физиогномистического анализа мистер Кримсворт будто бы видит характер девушек написанным на их лицах. Например, так он изображает Адель Дронсар: “Suspicion, sullen ill-temper were on her forehead, vicious propensities in her eye, envy and panther-like deceit about her mouth” [1: 95] – «Подозрительный, замкнутый, тяжёлый характер читался на лбу её, порочные склонности – в глазах, зависть и коварство – на губах» [2: 132].

Образы англичанок, живущих на континенте, не слишком подробно разработаны. Их характер, описанный в общем, без конкретных примеров, представлен как полностью детерминированный происхождением и условиями жизни. Эти девушки в основном являются дочерьми разорившихся авантюристов и получают крайне беспорядочное образование, коуча из одной школы в другую, и в результате их отличает безразличие ко всем возвышенным чувствам и угрюмое отчаяние – результат разрушения самоуважения и постоянных насмешек католиков: “they had picked up some scanty instruction, many bad habits, losing every notion even of the first elements of religion and morals, and acquiring an imbecile indifference to every sentiment that can elevate humanity” [1: 98] – «девицы эти поднабрались скудных знаний и множества скверных привычек, потеряв всякое представление о первоосновах религии и нравственности и усвоив глухое безразличие ко всему истинно человеческому и возвышенному» [2: 136].

Англичанки, живущие на родине, а за границей только получающие образование, описаны более подробно. Рассказчик опять начинает с изображения внешности, постепенно переходящего в перечисление черт характера: “features more irregular, but

also more intellectual than those of the Belgians, grave and modest countenances, a general air of native propriety and decency... austere civility... mute disdain" [1: 98 – 99] – «черты скорее неправильные, но с большим признаком ума, нежели у бельгиек; строгий, скромный взгляд, в манерах – национальная благопристойность и сдержанная вежливость... строгая любезность... молчаливая надменность» [2: 136 – 137]. Создаётся впечатление, что повествователь считает взаимно обусловленными физическую некрасивость и ум, некоторую небрежность в одежде и скромность, порядочность (эти черты отличают англичанок от жительниц континента).

Образы девушек в романе намеренно полемичны по отношению к традиционному принятым представлениям. Повествователь предвосхищает ожидания читателя, привыкшего к традиционным описаниям женщин: "Doubtless it will be thought that I ought now, by way of contrast, to show something charming; some gentle virgin head, circled with a halo, some sweet personification of innocence, clasping the dove of peace to her bosom" [1: 97] – «Вы, вероятно, считаете, что контраста ради я должен показать что-либо очаровательное, какую-нибудь милую девическую головку, окружённую нимбом, какое-нибудь трогательное воплощение невинности, нежно прижимающее к груди голубя мира» [2: 135]. Повествователь подчёркнуто отказывается следовать этим общепринятым нормам и заявляет, что не видел ничего похожего на эту идеализированную картину, и следование правде жизни не позволяет ему изображать подобное. Лучшими людьми в пансионе он называет Сильвию и Луизу Пэт – девочку добрую и милую, но не имеющую ни малейшего представления о манерах и нравственных принципах. Очень быстро, уже к концу первого урока, Уильям полностью извбавляется от навязанных литературой, культурой и общественным мнением иллюзий относительно слабого пола, что несколько его не огорчает: "the enchantment, the golden haze which had dazzled my perspicuity at first, had been a good deal dissipated. I cannot say I was chagrined or downcast by the contrast which the reality of a pensionnat de demoiselles presented to my vague ideal of the same community; I was only enlightened and amused" [1: 84] – «очарованность, золотой туман в голове, что лишили меня поначалу ясности мысли, большей частью рассеялись. Не могу сказать, будто бы я огорчён и подавлен контрастом между неясным образом этого пансиона в моём воображении и тем, чем оказался он в действительности; я был выведен из заблуждения и даже позабавлен» [2: 116].

Описывая проявления натуры девушек, которые не соответствуют традиционным представлениям, повествователь активно использует приём иронии. Например, до начала преподавания в пансионе герой, лишённый возможности видеть девушек, использует звуковую характеристику. Голоса девочек, долетающие до Уильяма, не соответствуют образам, созданным его воображением: "to speak the honest truth, my sentimental reflections were occasionally a trifle disarranged by the not quite silvery, in fact, the too often brazen sounds" [1: 63] – «признаться, мои сентиментальные домыслы вмиг разрушались, когда из невидимого рая внизу в них врывались отнюдь не чистые серебряные, а медные, грубые звуки» [2: 87]. По ироничному замечанию Уильяма, ещё неизвестно, у кого лёгкие сильнее – у мальчиков или у девочек, но по части визжания слабый пол обладает неоспоримым преимуществом.

Рассказчик подводит определённый итог своим наблюдениям и делает общие выводы о чертах характера, присущих девушкам в пансионе. Его прежние смутные представления о женском характере ("something vague, slight, gauzy, glittering" [1: 92] – «я представлял его чем-то смутным, хрупким, тонким» [2: 128]) сменяются твёрдой уверенностью в том, что реальность прямо противоположна теориям романтиков ("a palpable substance enough; very hard, too, sometimes, and often heavy; there was metal in it, both lead and iron" [1: 92] – «очень даже осязаемая материя, порою слишком жёсткая и часто тяжёлая; в ней чувствовался металл – и свинец, и железо» [2: 128]). Рассказчик вступает в открытую полемику с идеалистами и предлагает тем, кто сравнивает женщин

с земными ангелами и цветами, посмотреть на его наброски действительно существующих девушек. По утверждению Уильяма, обитательниц пансионата отличает множество отрицательных качеств: "a point-blank disregard of all forbearance towards each other or their teachers; an eager pursuit by each individual of her own interest and convenience; and a coarse indifference to the interest and convenience of every one else. Most of them could lie with audacity when it appeared advantageous to do so... backbiting and talebearing were universal... An air of bold, impudent flirtation, or a loose, silly leer, was sure to answer the most ordinary glance from a masculine eye" [1: 93] – «резкое пренебрежение и несдержанность по отношению друг к другу и к учителям; каждый индивид энергично преследовал собственные интересы и был предельно равнодушен к интересам других. Многие ничуть не совестились нагло лгать, когда это сулило им какую-то выгоду... злоязычие и сплетни были всегда в ходу... Смелое, бесстыдное заигрывание или дерзкий, откровенный, плотоядный взгляд чаще всего был ответом на самый бесстрастный взгляд мужских глаз» [2: 129 – 130]. Интересно, что причиной этой нескромности герой опять-таки считает католическое воспитание.

Создавая образы девушек, рассказчик в романе Бронте «Учитель» использует такие приёмы, как портрет, описание голоса, поведения, поступков, привычек, умственного развития и т.д. Иногда приводятся реплики персонажей. Повествователь постоянно анализирует всё, что видит, делает выводы из наблюдений за девушками. С одной стороны, изображение полемично традиционному, и привлекательная внешность, даже соблазнительность, противопоставляется внутренней развращённости, ограниченности, грубости. Но порой, напротив, создается впечатление взаимообусловленности характера и внешности (интеллектуальность и некрасивость кажутся неразрывно связанными, а физические недостатки Сильвии подаются на одном уровне с нравственными, поскольку обуславливают её духовную слабость и зависимость).

В романе «Учитель», безусловно, доминирует внешняя точка зрения: девочка описана сквозь призму взгляда наблюдателя, которому недоступно проникновение в душу героини. Также интересной особенностью изображения викторианской девочки в данном произведении является конструирование писательницей мужского взгляда.

Литература

1. Bronte Ch. The Professor.; London: Penguin Books Ltd., 1995.
2. Бронте Ш. Учитель. – С.-Петербург: НПО «Мир и Семья-95», 1997.
3. The Penguin Short History of English Literature / Stephen Coote. – London: Penguin Books Ltd., 1990.
4. Введение в литературоведение. Учебное пособие / Под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2004.
5. Ивашева В. В. «Век нынешний и век минувший...»: Английский роман XIX века в его современном звучании. – М.: Худож. лит., 1990.